

Лу Чуань съел только пасту и выпил колу, а пиццу, оставшуюся нетронутой, упаковал и забрал с собой.

Когда он добрался до дома на велосипеде, было уже почти девять вечера.

Открыв дверь, он вошел в дом, сменил обувь в прихожей и, едва шагнув в гостиную, услышал, как Дуань Шулань, сидящая на диване, с беспокойством спросила:

— Сяо Чуань, ты поужинал? Я попросила тетушку Ли подогреть еду, хочешь немного поесть?

Лу Чуань даже не взглянул на Лу Минъюна, который пристально смотрел на него. Внутренне собравшись, он ответил:

— Спасибо, я уже поел на улице.

Он поставил пиццу на обеденный стол и тихо добавил:

— Она еще теплая.

Затем он поднялся по лестнице.

После душа, вытирая волосы полотенцем, он услышал стук в дверь.

С полотенцем в руке он подошел и открыл. Снова Лу Минъюн, снова с кружкой молока.

— Сяо Чуань, — он словно вздохнул, искренне спросив:

— Можем поговорить?

Они стояли лицом к лицу, один внутри комнаты, другой за дверью.

Эта дверь словно была непреодолимой пропастью между ними.

— О чем? — Лу Чуань не принял молоко, спросил прямо, его тон был равнодушен.

— Возможно, ты все еще испытываешь неприязнь ко мне и к твоей тете, но мы действительно хотим для тебя лучшего. Твоя тетя относится к тебе как к родному сыну. Я знаю, что мой неосторожный поступок в прошлом, когда я случайно ранил твою мать, сильно повлиял на тебя. Тогда я был настолько подавлен, что даже не думал о ней...

Лу Чуань, не терпящий долгих разговоров, прервал его:

— Что ты хочешь сказать?

Лу Минъюн умоляюще произнес:

— Впредь, если не будет особых обстоятельств, возвращайся домой после школы и ужинай с нами.

— Понял, — холодно ответил Лу Чуань, затем спросил:

— Есть что-то еще?

Лу Минъюн помолчал, но все же спросил:

— Сяо Чуань, ты все еще винишь меня? За то, что я сделал с твоей матерью... За то, что после освобождения не нашел тебя и не забрал к себе...

— Нет.

— Если больше ничего, я хочу спать.

С этими словами Лу Чуань плотно закрыл дверь.

Он подошел к кровати и сел, в его сознании промелькнула картина из детства.

Он говорил правду.

Он не винил Лу Минъюна.

Но и не испытывал к нему никаких чувств.

Просто потому, что он был его отцом, и после смерти бабушки ему пришлось жить с ним.

Лу Чуань лег на кровать, глядя на хрустальную люстру на потолке. Свет был ярким, даже слегка режущим глаза.

Цзян Е, поужинав, вернулся в свою комнату, принял душ и, выйдя, остановился у мусорной корзины, опустив взгляд на бумагу, которую он скомкал и выбросил накануне вечером.

Через несколько секунд он наклонился, поднял ее и развернул. На бумаге был самый простой и лаконичный способ решения сложной задачи.

Когда Цзян Яо вошла в комнату с тортом, она увидела, что Цзян Е держит эту бумагу.

Она с любопытством подошла и с улыбкой спросила:

— Опять любовное письмо, брат?

Но, взглянув на бумагу, она увидела шаги решения задачи.

Почерк был небрежным, невозможно было понять, чей он, но было видно, что человек писал это небрежно и без усилий.

Цзян Яо мгновеннохватила бумагу из рук Цзян Е, протянула ему торт и быстро сказала:

— Держи.

— Вау! Брат, откуда у тебя это?! Кто это решил? Это даже проще, чем метод, который Лу Чуань использовал на экзамене!

Цзян Е не ожидал, что Цзян Яо так внезапно увидит эту бумагу, и усмехнулся, развалившись на кровати.

— Кто бы это мог быть? Конечно, твой брат, веришь?

Он поднял бровь, шутливо спросив.

Цзян Яо посмотрела на него с недоверием и твердо сказала:

— Врун!

Цзян Е улыбнулся и сказал:

— Ладно, не буду тебя дразнить. Это Лу Чуань позже придумал решение, написал на бумаге, но не хотел показывать мне, скомкал и хотел выбросить, но я отобрал.

Глаза Цзян Яо загорелись:

— Лу Чуань действительно такой умный?

Цзян Е равнодушно фыркнул и заметил:

— Да, он вполне мог бы перейти в экспериментальный класс и быть с тобой.

— Наш классный руководитель уже пытается его переманить!

Цзян Е:

— Что?

— Переманить? Наш классный руководитель, Серый Волк, первым будет против!

На следующее утро, когда Лу Чуань пришел в класс, представители каждого предмета уже собирали экзаменационные листы за каникулы.

А Цзян Е спал, положив голову на парту.

Лу Чуань сел на свое место, вспомнив, как на его физическом экзаменационном листе было нарисовано что-то вроде собаки и речевых пузырей...

Он достал пачку листов из рюкзака, нашел тот, который Цзян Е вернул ему накануне вечером, и снова положил его обратно в рюкзак.

Через некоторое время к нему подошла представительница по физике, Вэнь Лян. Девушка сначала взяла экзаменационные листы, которые Лу Сяоцян и Хао Шуай сами ей передали, затем сделала небольшой шаг вперед и остановилась у парты Цзян Е, которая стояла рядом с проходом.

Она взглянула на Цзян Е, который спал, повернув голову, затем посмотрела на Лу Чуаня и, наконец, нерешительно промолчала.

Лу Чуань заметил, что кто-то стоит рядом, и поднял глаза. Вэнь Лян тихо сказала:

— Физика.

Лу Чуань передал ей пачку своих листов. Вэнь Лян внимательно проверила их и с удивлением спросила:

— Кажется, одного не хватает?

Лу Чуань слегка кашлянул и равнодушно ответил:

— Потерял.

Вэнь Лян не усомнилась в его словах, просто кивнула и мягко сказала:

— Тогда я сообщу учителю.

Собрав листы Лу Чуаня, она перевела взгляд на Цзян Е, который все еще не проявлял никакой активности.

Она, казалось, хотела разбудить его, но не решалась, отчего ее лицо покраснело, и она так и не смогла ничего сказать.

— Цзян... Цзян Е? — наконец произнесла она, но ее голос был настолько тихим, что казалось, она намеренно его понизила, хотя сама думала, что говорит достаточно громко.

Цзян Е, естественно, не услышал.

Вэнь Лян почувствовала себя неловко и, собравшись с духом, хотела повторить, но Лу Чуань помог ей.

Парень ткнул Цзян Е ручкой в руку, и, не получив реакции, усилил нажим, не боясь вызвать гнев еще сонного Цзян Е.

— Что? — Цзян Е даже не поднял головы, лишь зарылся лицом в рукав и раздраженно спросил.

Лу Чуань спокойно сказал:

— Сдай домашку.

Цзян Е, словно сдерживая раздражение, тяжело вздохнул, затем нахмурился и с недовольным видом сел. Увидев рядом хрупкую фигуру, он достал из-под парты пачку листов и передал их Вэнь Лян, которая не решалась заговорить.

Когда Вэнь Лян уже собиралась уйти, Цзян Е остановил ее:

— Эй... Вэнь Лян!

Его голос, еще сонный и усталый, звучал низко и слегка хрипло, что странным образом вызывал тепло в ушах.

Девушка замерла на месте, словно окаменев, и, повернув голову, увидела, что Цзян Е снова лег, бросив ей:

— Напиши мое имя, спасибо.

Вэнь Лян поспешно кивнула, покраснев:

— Хорошо.

Когда она вернулась на свое место, ее соседка Ай Фэй, случайно взглянув на нее, заметила, что лицо Вэнь Лян покраснело, как помидор.

Ай Фэй с беспокойством спросила:

— Что с тобой? Почему лицо такое красное? Может, у тебя температура?

Вэнь Лян покачала головой и взяла ручку, чтобы написать имя Цзян Е на листах.

Ай Фэй, глядя на аккуратно написанное имя «Цзян Е», а затем на все более краснеющие щеки Вэнь Лян, вдруг поняла что-то и, улыбнувшись, поддразнила свою скромную и застенчивую подругу:

— Сяо Лян, у тебя, кажется, есть... какие-то девичьи мечты?

Вэнь Лян заморгала и поспешно отрицала:

— Нет.

Затем она передала листы Цзян Е Ай Фэй:

— Еще несколько не подписаны, помоги, а я пока упорядочу листы.

Ай Фэй подняла бровь, с легкостью подписывая имя Цзян Е, и с улыбкой заметила:

— Мне все же больше нравится писать имя Лу Чуаня.

Вэнь Лян: ...

Когда прозвенел звонок на обед, Шэнь Ян, держа в руках список участников вчерашней спартакиады, встал перед классом и постучал указкой по столу.

Ученики с первого ряда сразу закричали:

— Шэнь Ян, хватит! Всю доску в мелу!

Шэнь Ян извиняюще улыбнулся:

— Простите, простите.

<http://bllate.org/book/16328/1473883>